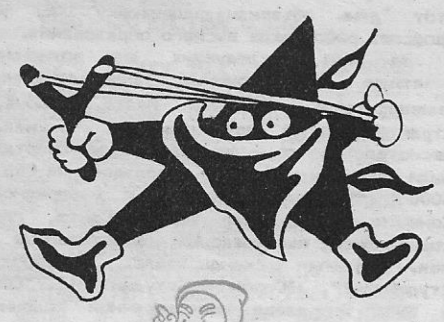

НИКАКОЙ ВЛАСТИ - НИКОМУ!

ЧЕРНАЯ ЗВЕЗДА

ИЗДАЕТСЯ ИНИЦИАТИВОЙ РЕВОЛЮЦИОННЫХ АНАРХИСТОВ. N 2(5) 1993 г.

МАЙ 68 В ПАРИЖЕ

Вот уже 25 лет минуло с тех майских дней 68-го года, но политологи и психологи до сих пор спорят о феномене тогдашней "молодежной революции". В чем же ее особенности?

Во-первых, это было массовое движение протеста, по размаху сопоставимое лишь с общеевропейской революцией 1848 года.

Во-вторых, большинство участников были молодыми людьми в возрасте до 30 лет.

В-третьих, это массовое движение хотя и характеризуется вобще-то крайне левыми взглядами, но при этом нельзя говорить о какой - нибудь доминирующей идеологии. Движение новых левых представляло собой конгломерат автономных групп. Из традиционных теорий у "взрослых" были позаимствованы анархизм, маоизм, троцкизм. Из новых теорий сильное влияние на движение оказали взгляды "Франкфуртской школы" и особенно Герберта Маркузе, их критика индустриального общества воспринималась разными группами, но не превращалась в догму, она оставалась лишь точкой опоры.

Молодежная революция никак не была связана с экономическим кризисом. Как раз наоборот, когда разразился кризис середины семидесятых годов, движение сошло на нет. Эта революция была революцией сознания, революцией ума и сердца, а не пустого желудка. Она возникла в результате того, что большая часть молодого поколения осознала антигуманность современного репрессивного общества. Самой яркой вспышкой протеста молодого поколения стала майская студенческая революция 68 года.

В центре событий мая 68-года оказалось студенческое "Движение 22 марта", названное по аналогии с кубинским "Движением 26 июля", в честь акции протеста, проведенной в этот день. Тогда студенты гуманитарного факультета, расположенного в пригороде Парижа - Нантерре, оккупировали здание административного корпуса, протестуя против ареста членов "Комитета защиты Южного Вьетнама", которые выражали свою солидарность с вьетнамскими партизанами

"НА УЛИЦЕ - КРАСОТА" Плакат парижского мая

тем, что били витрины в туристическом агенстве "Американ экспресс". Задержанных студентов отпустили раньше, чем полиция собралась очистить здание, но за это время на студенческой тусовке родился союз левацких групп, доставивший столько хлопот правительству пару месяцев спустя. В это движение вошли молодые анархисты, находившиеся под влиянием идей группы литераторов - авангардистов "Ситуационистский интернационал". Анархистом был тогда и харизматический лидер движения, 23-х летний студент - социолог из ФРГ - Даниэль Кон - Бендит, выпустивший затем по горячим следам майских событий книгу "Левизна как средство против старческой болезни - коммунизма". В движении " 22 марта" участвовали так же троцкистские молодежные группировки: манделистская JCR - "Коммунистическая революционная молодежь", возглавляемая Аленом Кривином, будущим леворадикальным кандидатом в президенты Франции, и ламбертистская CLER (Комитет связи революционных студентов). Определенным влиянием среди студентов - гошистов пользовался маоистский UJCML "Союз молодых марксистов - ленинцев", прозванный "теоретиками с улицы Ульм" потому, что там, в Высшей Нормальной Школе, находился их центр. Эта довольно догматичная команда как раз накануне Мая решила, что студенты - мелкобуржуазная среда, а дело следует иметь только с самым передовым классом - рабочими. Поэтому они игнорировали события начала Мая и включились в борьбу лишь с началом забастовки. Действия "Движения 22 марта" встретили поддержку у руководства студенческого профсоюза UNEF, где тоже окопались крайне - левые.

Революционная ситуация в Нантеррском отделении Сорбонны явственно ощущалась уже с конца 1967 года. С января по март там произошло более 49 студенческих выступлений и акций протеста. Крупное столкновение студентов - леваков с молодежной фашистской группировкой "Запад" ожидалось и во время проведения первомайских демонстраций. Поэтому ректор Сорбонны принял решение - закрыть Нантер и ввести туда полицейские спецподразделения - CRS. В ответ 3 мая тысяча студентов собралась на митинг во дворе Сорбонны. Вызванный по требованию ректора CRS, применив газы, очистил двор от митингующих. В отместку разгневанные студенты перевернули несколько машин и забросали полицию булыжниками. Для спокойного и тихого Парижа это было довольно ново. В ходе столкновений 3 мая было задержано 500 человек. В знак протеста против полицейского насилия в этот день объявили забастовку UNEF и профсоюз работников высшего образования.

За три последующих дня волнения охватили все крупные провинциальные университеты: Тулузы, Нанта, Лиона, Страстбурга и другихгородов. 6 мая, несмотря на то, что в Латинский квартал были введены усиленные подразделения CRS, 6000 студентов двинулись к набережной Сены и прошли мимо тюрьмы Сантэ, где содержались их товарищи, арестованные 3 мая. Толпа скандировала: "Свободу студентам!", "Сорбонну студентам!", "CRS - SS". Во главе многотысячной колонны красовался плакат: "Мы всего лишь маленькая кучка анархистов". Когда студенты попытались вернуться в Латинский квартал, их встретили сомкнутые ряды французского "ОМОНа", ощетинившиеся дубинками и гранатометами со слезоточивым газом. Студенты и на этот раз не остались в долгу и на насилие ответили насилием. Особено жаркие схватки происходили на бульваре Сен - Жермен, Рю-Эколь и бульваре Сен - Мишель. На бульваре Сен-Жермен соорудили первые баррикады. Машины на этот раз не только переворачивали, но и поджигали. 600 человек было ранено, 400 арестовано, причем студентам иногда удавалось брать штурмом полицейские фургоны и выпускать арестованных. Полиция смогла овладеть положением лишь к 2-м часам ночи.

7 мая спокойно прошла 30-ти тысячная демонстрация студентов и преподавателей с требованием открыть Сорбонну и прекратить репрессии. На этот раз власти вели себя тихо и пропустили демонстрацию через весь Париж, но на требования никак не отреагировали. 9-го мая 5 тысяч студентов, возглавляемые Кон - Бендитом с мегафоном, собрались напротив Сорбонны, чтобы занять ее, но напоролись на полицейских. Проскандировав бойцам республиканской безопастности : "Фашисты, фашисты!" - разошлись, приняв решение оккупировать университет на следующий день. На следующий день полиция блокировала 20-ти тысячную студенческую демонстрацию на бульваре Сен - Жермен, что окончательно переполнило чашу терпения студентов, и они подарили властям первую "ночь баррикад". Стиснутые на пятачке Латинского квартала между Сорбонной и бульваром Сен - Жермен, студенты за несколько часов застроили все свободное от полиции пространство баррикадами. Больше всего их было на бульварах Ле-Гор, Сен-Жак и Гей - Люссак. Как основной строительный материал снова употреблялись автомобили (в результате той ночи оказались подожженными 188

машин), но студенты не отказывались и от традиционных материалов: решеток и булыжника – и несколько улиц начисто лишились своего покрытия. Всего было воздвигнуто около 60-ти баррикад, некоторые высотой более 2-х метров. Власти пытались вести переговоры со студентами, но ничего путного из этих переговоров не выходило. Тогда, с наступлением темноты CRS, простоявший пять часов на месте и тупо глазевший на строителей баррикад, получил приказ атаковать студентов. Штурм подолжался до 2-х часов ночи. CRS проявили в эту ночь неслыханную жестокость: раненых студентов стаскивали с носилок "скорой помощи" и продолжали избивать, врывались вслед за студентами в квартиры, где они пытались укрыться, и лупили всех, кто попадался под руку. Пресса назвала это "охотой на молодых людей". В итоге 367 человек было ранено. Полицейские репрессии вызвали бурю возмущения в печати, виднейшие деятели культуры, среди них – Жан – Поль Сартр, подписали письмо с протестом против поощряемого голлистской администрацией насилия.

Одновременно со студенческими демонстрациями первые десять дней мая происходит стихийный, не контролируемый традиционными профсоюзами захват предприятий рабочими. Были оккупированы металлургический завод в Нанте, автомобильный гигант Рено, завод Зюд – Авиасьон, забастовали телеграф и телефон. Захват осуществлялся, как правило, молодыми рабочими, не входившими ни в один из профсоюзов. Даже косное бюрократическое руководство профсоюзов, отмалчивавшееся до сих пор, как и коммунисты, и клеймившее студентов как "буржуазных сынков" и "левацких ревизионистов", теперь вдруг осознало, что может остатся не у дел. Профсоюзные боссы решили, что момент пика симпатий к движению студентов и массового протеста против репрессий – это как раз тот момент, когда им надлежит возглавить движение. Крупнейшие профсоюзы: коммунистический – CGT, левокатолический – CFDT и реформистский – "Force ouvriere" – заключили соглашение с UNEF о всеобщей забастовке и совместной демонстрации. 13 мая студенты и рабочие по призыву профсоюзов проводят 400 – тысячную демонстрацию. Во главе колонны – руководство профсоюзов и студенческие лидеры. Коммунист Жорж Сеги, генеральный секретарь CGT, с отвращением вспоминал о том, что ему пришлось идти и выступать рядом с анархистом Кон – Бендитом. Вечером после демонстрации студентам наконец удалось оккупировать Сорбонну. Заодно был захвачен и престижный театр

ДАНИЭЛЬ КОН-БЕНДИТ - тогда остроумный, анархист, харизматический лидер молодёжи, сегодня - помощник мэра Франкфурта, занимает правые позиции в немецкой партии зеленых.

"Одеон", над входом которого натянули красное и черное полотнища. В аудиториях Сорбонны разместились дискуссионные центры, где спорили обо всем, что интересовало студентов: от национальных революций в странах третьего мира до новой концепции университета. 20 мая в захваченной Сорбонне выступил Жан – Поль Сартр. "Одеон" же был превращен в свободную трибуну, где каждый мог говорить о чем захочешь.

Тем временем страна была парализована забастовкой. К 24 мая бастовало уже 10 млн человек. Это были необычные забастовки: на многих предприятиях рабочие не просто занимали помещения, но, зачастую без ведома профсоюзов, создавали свои альтернативные органы управления. Предприятия с непрерывным производством не останавливались, а продолжали производить продукцию, – только распоряжались ею созданные рабочими комитеты, а не администрация. В провинции работники предприятий пищевой промышленности бесплатно развозили свои изделия по домам престарелых, приютам и семьям бастующих. Стихийно сложились отношения, показавшие всю абсурдность существующей управления.

23 мая в Латинском квартале произошла новая вспышка баррикадных боев из-за попытки выслать Кон - Бендита из страны. А 25 мая профсоюзы подложили студентам изрядную свинью. В этот день на улице Гренель было подписано соглашение между представителями профсоюзов - с одной стороны и представителями союза предпринимателей и правительства - с другой, - об условиях, на которых профсоюзы прекращают забастовку. Сделано это было за спиной студенческого движения. Результатом гренельских соглашений были чисто экономические уступки. Жорж Сеги вспоминает в своих мемуарах об этих переговорах так: "Мы теперь были весьма далеки от крикливых деклараций CFDT о "власти профсоюзов на предприятиях" и и структурных реформах". Иначе говоря, на хрена вам, товарищи трудящиеся, какое-то там самоуправление? Вот мы, коммунисты действительно боролись за ваши интересы, за вашу трудовую копеечку. Представителей UNEF на этих переговорах, конечно, не было.

Предательская политика профсоюзных боссов и коммунистов вызвала взрыв возмущения не только у "новых", но и у старых умеренно - левых, и 27 мая на стадионе Шарлети "Движение 22 марта", CFDT и обе соцпартии провели антиголлистский и антикоммунистический митинг. Все дружно кричали: "Правительство в отставку!", "Де Голль должен уйти!", "CGT - предатели!". Но в определении дальнейших целей и задач леваки - студенты разошлись с социалистами. Если представитель Объединенной соцпартии Пьер Мендес - Франс потребовал в своей речи создания новой администрации "правительства народного доверия", во главе лично с ним, Пьером Мендес - Франсом, и Миттераном в качестве президента, то студентам было глубоко наплевать на все министерские рокировки. В качестве альтернативы старым структурам они создавали Коммитеты революционного действия, которые формировались как по учебному принципу (факультетские, лицеиские), так и по территориальному. Последние должны были обьединять студентов и бастующих рабочих вне рамок реформистских партий и профсоюзов. Координацию студенческих действий в регионах осуществлял комитет действий "Париж - провинция". Комитеты действия ставили своей целью с помощью глобального отказа, неподвластного интеграции, добиться радикального изменения общества. Развитие прямой демократии и ломка стереотипов обывательского сознания должны были привести к созданию революционных очагов власти народа и самоуправления на захваченных предприятиях. Первым таким очагом, в котором должна была складываться новая форма организации общества, стал университет. Сами комитеты основывались на принципах прямого действия и были враждебны любой форме господства и бюрократической организации, опирались на спонтанную инициативу людей. Само действие определялось эмпирически, а не программно: никакого объединяющегося центра кроме делегированного комитета в Сорбонне не существовало. Были созданы и специализированные комитеты: CRAS - комитет революционных сексуальных действий, проводивший в жизнь сексуальную революцию и CRAC - комитет революционных культурных действий, стебавшийся над буржуазной публикой.

Профсоюзы в ответ на акцию 27 мая сделали хорошую мину при плохой игре: объявили, что прекращать забастовку не собираются. CGT вывел своих сторонников на демонстрацию, на которой сотня тысяч коммунистов организованной колонной протопала от площади Бастилии до вокзала Сен - Лазар.

Но гораздо более интересные события происходили в тот день в Елисейском дворце. Поначалу генерал Де Голль не придавал движению особого значения и 19 мая, вернувшись из дружественного визита в чаушесковскую Румынию, попытался отделаться от студентов одной фразой: "Реформы - да, маскарад - нет". За следующие десять дней он осознал опасность настолько что предпочел тайком бежать из своей резиденции. Съехавшиеся утром 29 мая на заседание кабинета министры не застали президента. Никто не знал где он. Власть уже не нужно было брать, ее оставалось лишь подобрать. Днем по телевидению объявили, что президент отбыл в свою загородную резиденцию. На

Плакат парижского мая

самом деле, Де Голль на вертолете всего с одним пилотом тайно вылетел в Баден – Баден, где размещался штаб контингента французких войск в ФРГ. Здесь он провел совещание с командованием группы войск, заручившись поддержкой армии на случай гражданской войны. Затем он вылетел в Страсбург, где провел аналогичное совещание. Вернувшись тем же вечером, президент выступил по телевидению с жесткой речью, в которой заявил о роспуске парламента и о том, что ни он, ни премьер-министр, ни кто-либо из кабинета не уйдут в отставку. Это переломный момент, с которого началось контрнаступление правых сил. На следующий день вся буржуазная сволочь, которая тихо сидела по своим норам все время майской революции и тряслась, ожидая расправы, выползла на улицы. На Елисейских Полях проходит, по призыву президента, миллионная демонстрация перепуганных буржуа под лозунгом "Мой генерал, мы с вами!" Демонстрации студентов с лозунгами "Выборы – предательство!", "Не продавайте забастовку за избирательный бюллетень!" не находят больше поддержки. И голлисты, и коммунисты, и социалисты рассчитывают на большинство в парламенте .

Возобнавляются Гренельские переговоры, но на этот раз профсоюзы оказались хитрее. Вместо прекращения забастовки одновременно во всех отрослях, они стали постепенно сдавать отдельные отрасли или крупные предприятия, но не все заводы пожелали сдаваться – чтобы очистить автомобильный гигант "Рено", CRS пришлось брать завод штурмом. С этим заводом связана одна трагическая страница в истории парижского Мая. 8 июня 17 – летний студент – маоист Жиль Тота, пытавшийся проникнуть на оккупированный рабочими завод, спасаясь от жандармов, прыгнул в Сену и утонул. Его похороны вылились в крупную демонстрацию левых сил, снова все шли вместе, казалось еще не все потеряно...

Последний же бой был дан студентами 10 июня, когда после очередного разгона демонстрации, в Латинском квартале опять запылали баррикады, и студенты разгромили комиссариат полиции на улице Перрон. 14 июня полиция очистила "Одеон" и Сорбонну от вселившихся туда студентов и разогнала коммуны, устроенные в Латинском квартале. Специальным указом президента все гошистские организации, в том числе "Движение 22 марта" и комитеты действия были запрещены. На выборах с огромным преимуществом победили голлисты.

Но поле боя в конечном счете осталось за студентами. И дело даже не в том, что в апреле 69-го года Де Голль без видимых причин подал в отставку. Майские события смогли разбудить в людях новое – неодномерное, нерепрессивное сознание. Студенты не могли одержать формальной политической победы в столкновении с режимом: ни Мао, ни тем более Брежнев, у которого на носу было вторжение в Чехословакию, не стали бы во имя "идеалов пролетарского интернационализма" поддерживать парижских бунтарей – старые левые боялись и ненавидели новых левых больше, чем традиционные правые. Однако, идеи этой потерпевшей поражение революции пустили корни в сознании людей и дали обильные плоды. Эти плоды мы сегодня срываем и предлагаем вам.

ФРАНЦУЗСКИЕ АНАРХИСТЫ В МАЕ 1968

Накануне мая 1968 года французские анархиствующие студенты были заняты своими маленькими тусовочными проблемами: право на доступ в женские общежития и университетские центры, полёмика с некоторыми анархическими зубрами-профессорами и т. п. В Нантерском студгородке члены "негрупповой группы", примыкавшей к анархистскому журналу "Чёрное и красное", и "бешеные", близкие к ситуационистам, устроили беспорядки, которые, распространившись на Латинский квартал и центр Парижа, превратились в жестокие столкновения с полицией. Все организации, объявившие себя левыми и революционными, были застигнуты врасплох. Порой все выглядело совершенно комично. Так, 6 мая 1968 г., на улице Суффло, после на сей раз мирной - манифестации мы обнаружили человека в очках, видимо, из "Высшей нормальной школы", который призывал "идти делать листовки под руководством рабочих", в Школу, "совсем рядом!". Наступило 10 мая и ночь баррикад, ключевая для дальнейшего развития событий. Мы лично можем засвидетельствовать, что ни одна из троцкистских, маоистских или сталинистских из ФКП ("Союз студентов-коммунистов") группок в ней не участвовала. Более того, все те из них, кто был там вначале, прежде чем трусливо сбежать, пытались как "серьезные и ответственные революционеры" помешать "провокаторам"

разбирать мостовые и организовывать быстрый захват стратегически важных точек. Эти самозванные "руководители" были без церемоний отвергнуты, что не мешает им сегодня присваивать себе все заслуги Мая 68-го. Действующими лицами этих событий были в большинстве своём молодые люди, студенты или бывшие студенты, не состоявшие ни в одной из "революционных" сект, но, естественно, обнаружившие старую революционную традицию парижских мостовых.

Анархисты, оказавшиеся в эту ночь на своих местах, выполнили свой революционный долг. Они построили баррикады и защищали их до самого утра, особенно те, что выходили на улицу Муффтар: на улицах Блэнвиль, Туэн, Эстрапад, По де Фер, Льомон и Турнефор. Они получили необходимое подкрепление от членов анархистской федерации и публики из "Мютюалитэ", где проходил в этот вечер гала-концерт анархистского шансонье Лео Ферре, организованный газетой "Ле Монд либертер".

Молодые анархисты активно участвовали в студенческо-рабочих комитетах, помещавшихся в университетских центрах в Сэнье - комитетах "Рено", "Ситроена", "Томсона-Устона" и других, где они с первых же дней проводили линию на захват предприятий и оккупационную стачку. Это было трудным делом - проходные предприятий были перекрыты профсоюзными пикетами, но студентам удалось достичь ощутимых успехов. Конечно, комитеты бывали разными, как показал, например, случай с "Рено". Однажды вечером двое молодых рабочих с "Рено" пришли принять участие в комитете и обнаружили там лишь три десятка сту дентов и интеллектуалов, очевидно, прокитайски настроенных, которые предавались фантазиям о "рабочей крепости", но не имели о ней ни малейшего понятия. Потребовалось разобраться, проверить, что это за комитеты, и даже вышвырнуть троцкистов из Федерации революционных студентов и членов французской компартии, которые пытались спесиво утвердиться в Сэнье. Комитеты помещались там на 3 и 4 этаже с большей пользой, чем в Сорбонне, превращенной в восточный базар левачества. Один из молодых анархистов поставил на ноги "Комитет Париж - провинция", который рассылал по всем направлениям агитбригады и пропагандистский материал - листовки и художественные плакаты, которые изготовлялись мастерскими этого комитета. Дюжина боевиков охраняла все входы и переходы в Сэнье. Это было необходимо, что бы избавиться от "подозрительных элементов." Другие товарищи делали стенгазету и организовывали постоянную трибуну для дискуссий на перекрестке Гобеленов. Вся эта работа продолжалась три недели, днём и ночью; люди ночевали и укрывались в непогоду там же, на площади. Всё время работала столовая, студенческо-крестьянский комитет CLFOP, организованный студентами Агрономического института с помощью обычных симпатизантов, заботился о регулярном снабжении продуктами. Это всего лишь один из примеров, который я могу засвидетельствовать лично, но были и другие анархисты, которые столь же безвозмездно трудились в течение Мая.

Присутствие анархистов стало очень заметным во время шествия 13 мая и митинга на стадионе Шарлети, где развивалось множество черных знамен. Многочисленные либертарные лозунги и подрывные надписи на стенах реабилитировали революционный лиризм. Однако, несмотря на некоторые попытки координации Комитетов действия и организации паралельных экономических структур, коллективная воля не была настолько сильна, чтобы суметь заменить власть рассыпающегося государства.

Сталинисты из Всеобщей конфедерации труда, выполняя свое контрреволюционное призвание, совершили то, чего не смогло сделать голлистское правительство. Подтасовав результаты голосования рабочих, они добились возобновления работы транспорта, и со дня на день система стала оправляться. Но всё равно для всех, кто учавствовал и интенсивно жил в эти дни, ничто уже не сможет быть как прежде. Либертарный дух Мая вернул им силу и энтузиазм. Считавшийся уже умирающим, если вообще не исчезнувшим в катакомбах истории, анархизм снова стал чрезвычайно актуален и вызвал к себе новый интерес. Это обстоятельство сделало возможным издание работ об анархизме сравнительно крупным тиражом. С большим или меньшим успехом, это способствовало извлечению из забвения таких известных авторов, как Дежак, Кедеруа, Прудон, Бакунин, и вернуло истинное значе-

ние историческому опыту анархизма. Хоровод бюллетеней, брошюр, листовок, плакатов пополнил радикальные книжные магазины.

В организационном плане тон вначале задавал спонтанеизм, но потом он исчез за горизонтом, уступив место более прочному организационному опыту.

Из книги: Александр Скирда "Индивидуальная автономия и коллективная сила. Анархисты и организация от Прудона до наших дней" Париж 1987 год перевод с сокращениями Вадима Дамье.

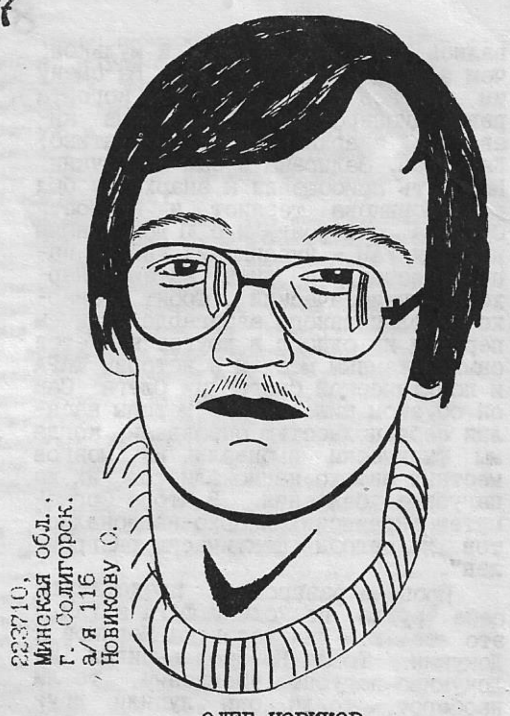
IF YOU HAVE NOT SENSE OF HOUMOR,
DO NOT READ THIS TEXT.

ПЛАМЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ.
Биографии Выдающихся Деятелей ФРАН.

Обратиться к жанру биографии нас заставили две вещи, во-первых, обвинения бюллетеня АН-пресс в анонимности статей в "Чёрной звезде", заканчивающиеся обращением "Страна должна знать своих героев!". Героев страна действительно должна знать, и поэтому мы, отбросив ложную скромность, начинаем публикацию биографий выдающихся деятелей ФРАН. Что же касается анонимности, то назло анархо-демократам мы и впредь подписываться не будем. Ничего, обобьются, давно уже пора было научиться определять наших авторов по стилю.

Во-вторых, сегодня именно скромность оказывается важнейшим препятствием на пути анархической пропаганды. Посмотрите на наших противников: у музея Ленина продают брошюры с биографиями Анпилова и Стерлигова, выпущенными в серии "Жизнь замечательных россиян", а газета "Воля России" напечатала обширный материал о жизненном пути Льва Убожко. Чем мы хуже их? Ничем.

Вот почему мы решили начать публикацию галереи портретов видных анархо-коммунистов. Сегодня мы публикуем политическую биографию выдающегося деятеля украинско-белорусского левого экстремизма, основателя Фронта анархо-революционного авангарда Олега Новикова. В ближайшее время на страницах "Чёрной звезды" увидят свет биографии Олега Дубровского, Алексея Щербакова, Дмитрия Костенко. Готовится к выходу многотомная биография Вадима Валерьевича Дамье, заявки присылайте на адрес "Чёрной звезды".

ОЛЕГ НОВИКОВ

К политической жизни Олег приобщился рано, в нежную пору первой юности. Неокрепшая душа будущего борца ещё не могла устоять перед соблазнами, предлагаемыми в красивых обертках ведущими политическими силами. Вот как вспоминает об этом сам Олег: "Той осенью (1990 г.) в Киеве шла студенческая голодовка. Весь город был страшно политизирован, город лихорадило. Я с моими друзьями проходил мимо митинга. Вижу - стоит стол, записывают в национально-демократическую партию Украины. Мы записались, подхватили знамена и побежали на митинг". Так постигал азы политики Олег Новиков. Но националистический дурман недолго опутывал его сознание, и решающую роль в освобождении от националистических иллюзий сыграла встреча Олега с Юрием Докукиным, известным впоследствии как товарищ Эрнесто.

К тому моменту первая генерация олдовых киевских анархистов уже отошла от идей социальной революции, всецело отдавшись революции психоделической. Старые зубры киевского анархизма образца 88-89 годов, такие, как легендарный Антоша Розенвайн (Дринч), больше интересо-

вались винтом, травой и мулькой, чем великими потрясениями. На смену им явилась новая железная когорта революционеров - второй призыв киевского анархизма: Саша-Буратино, Казанова, Задирака и сам Ю. Докукин. Но путь приобщения к анархизму был у О. Новикова тернист и непрост. Сначала они создали с Ю. Докукиным из себя УАН - украинских анархо-националистов, и лишь затем анархо-коммунистический Фронт анархо-революционного авангарда. Причем переход из одного в другое является самым темным местом в истории ФАРА и политической биографии Олега. Сам он об этом пишет так: "Методы насилия себя полностью оправдали, когда мы физически выбивали из мозгов местных анархо-националистов их же пагубные убеждения. В итоге Оргкомитет Украинских Анархо-националистов на сегодня фактически разгромлен".

Процесс разгрома представить себе трудно, поскольку ФАРА и УАН - это те же два человека Новиков и Докукин. То ли Новиков выбивал из Докукина пагубные убеждения, то ли наоборот, то ли они лупили друг дружку по очереди, но итог очевиден - революционеры победили в их душах националистов, и они смогли заняться настоящей революционной деятельностью.

А началась она с бомбы. В то время в среде киевских анархистов была популярна старая добрая детская игра. Как правило, после ночной пьянки, когда часам к четырём ночи всё уже было выпито, участники пьянки частенько названивали своему доброму знакомому анархисту. Звонили они вовсе не для того, чтобы справиться о его здоровье, а чтобы сообщить, например, что над ним готовится расправа или что в стране произошёл переворот и Центральный Комитет Анархистов Подполья приказывает ему немедленно ехать в город Самару и там в три часа дня под часами на вокзале ждать дальнейших инструкций. Но ФАРА превратила эту невинную детскую забаву в оружие классовой борьбы. Вот как пишет об этом сам Олег: "Группа анархистов по предложению ФАРА позвонила в штаб Украинского Националистического Союза и пригрозила якобы заложенной в здании бомбой. Т.к. в течении следующих 2-х часов в здании на звонки не отвечали, мы поняли,

что наша акция увенчалась успехом". С тех пор развлечение со звонком о бомбе стало любимой забавой всей киевской тусовки. И вскоре уже не только анархисты, а и сами националисты звонили конкурентам и сообщали о бомбе, заложенной в их конторе.

Самым же знаменитым актом ФАРы, обошедшим страницы десятков центральных и местных газет, стал смертный приговор, вынесенный Степану Хмаре (тогда лидеру УРП) и Андрею Исаеву (тогда лидеру КАС). Я помню, как ветхий преподаватель марксизма-ленинизма, разбиравшийся в текущей политике и неформальных тусовках как свинья в апельсинах, с неподдельным интересом выяснял у меня, имею ли я отношение к тем анархистам, которые приговорили Хмару к смерти. Вот что сообщает об этом сам Новиков: "Относительно приговора Исаеву. Дело в том, что на конференции ФАРА в конце мая было вынесено получившее всеобщую поддержку предложение приговорить кого нибудь к заочной смертной казни. Однако по кандидатурам мнения разошлись. Я настаивал на фигуре С.

Хмары - лидера буржуазного национализма. Докукин упорно требовал уничтожить Исаева. В конце концов мы пришли к компромиссу: приговорили обоих. Минск и Солигорск нас поддержали". История с приговором, перепечатанная шизовым бюллетенем "Нестор" и подхваченная десятками газет, вызвала несколько серьёзных разборок в среде анархистов и, конечно же, обвинение О. Новикова в провокаторстве и громкую славу.

Попытки повторить громкую акцию успехом не увенчались, и предупреждение ФАРы, что на лидера "Рабочей демократии" троцкиста Сергея Биеца готовят покушение боевики Конфедерации анархо-синдикалистов, уже не вызвало переполоха.

Обширно эпистолярное наследие О. Новикова. Фактически только на его письмах держался житомирский бюллетень "Нестор" и большая часть материалов питерского АН-пресса 91

года.

Он писал всем левым группам и во все левые издания, и перед каждой группой он представал в новом обличье: для ИРЕАНа он анархо-коммунист; для эсеров - группа, состоящая из левых соцдемократов и правых анархистов; для КАСовцев - КАСовской группой; для "Рабочей демократии" он был членом "Рабочей демократии"; для "Рабочей борьбы" - членом "Рабочей борьбы"; для самарской Партии диктатуры пролетариата - кандидатом РПДП(б); для "спартаковцев" - симпатизантом их тенденции. Так проявился талант О. Новикова к конспирации, и он стал получать на халяву целый ворох левых газет. Про свои взгляды Олег написал так: "Ну, конечно же, мы все анархо-коммунисты, правда, близкие к троцкистам по средствам и к эсерам по методам". Говорят, что в Киеве тогда вошло в моду новое выражение "лепить ФАРу", означающее примерно то же, что "нести туфту".

Но золотым денёчкам ФАРЫ пришёл конец. Спасаясь от призыва в армию украинского буржуазно-националистического государства, Олег переехал в Солигорск в Беларусь. Да и раньше уже стало понятно, что двум таким ярким индивидуальностям не ужиться в одной организации. В ФАРЕ возникло две фракции: боевая фракция во главе с Новиковым - команданте Минска и Солигорска - стала выпускать рукописную газету "Че". Умеренно-экстремистская фракция во главе с команданте города Киева Докукиным стала выпускать газету "Рупор экстремизма". Обе газеты вели непримиримую полемику и призывали к расправе с противоборствующей фракцией. Лаконичный язык этих газет своеобразен и напоминает декларации РАФ, ужатые до телеграммы: "Хроника борьбы в Индии. Нейтрализован угнетатель нацменьшинств, парламентская собака Раджив Ганди. В стране создалась революционная ситуация".

Сегодня ФАРА уже не существует. Ю. Докукин предпочел вести революционную работу внутри возродившегося украинского комсомола. Олег Новиков в январе 1991 года приветствовал телеграммой учредительную конференцию ФРАН в Днепропетровске и заявил о вступлении в нее. Летом 1992 года он вместе с группой анархистов из Гомеля и Минска участвует в создании Федерации Анархистов Белоруссии - ФАБ - на позициях ФРАН. Сегодня он занят тем, что ведет революционную пропаганду среди минских панков и студентов БГУ. Образцы его революционного творчества мы сегодня приводим.

ХРОНИКА АКЦИЙ ФЕДЕРАЦИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ АНАРХИСТОВ (ФРАН)

05/01/93-Гомель. Анархо - коммунисты пикетировали горсовет, протестуя против безработицы.

25/02/93 - Москва. Пикет возле Нигерийского посольства в поддержку арестованных анархистов.

27-28/02/93 - Донецк. Встреча по проблемам анархо-синдикализма стран бывшего СССР.

06/03/93 - Донецк. Пикетирование Федерацией Анархистов Донбасса проходившей в городе конференции компартии.

06/03/93 - Москва. Праздновали два года со дня создания ИРЕАН.

18/03/93 - Донецк и Москва. Пикеты в годовщину Кронштадта и Парижской Коммуны. Против участников донецкого пикета возбуждено уголовное дело за призыв к свержению государственного строя.

22-24/04/93 - Москва. Пикеты ИРЕАН и ГРАС с призывами к бойкоту референдума.

26/04/93- Гомель. Митинг ФРАН в годовщину чернобыльской катастрофы.

01/05/93- Москва, Питер, Минск, Донецк, Гомель. Участие членов ФРАН в первомайских демонстрациях. В Москве группа членов ИРЕАН, проводившая революционную пропаганду в проф союзной колонне, была атакован на милицией, которую натравили функционеры официальных профсоюзов.

ИНФОРМАГЕНСТВА О НАС

1 мая, между тем как красные занимались классовой борьбой с ОМОНом на Ленинском проспекте (пихались, кидались камнями и даже убили одного человека, не считая несколько сотен поцарапаных, раненых и обмоченых пожарными), их бывшие "приводные ремни" и единомышленники из госпрофсоюзов ФНПР чинно и законопослушно демонстрировали по Тверской, знаменую солидарность. Праздник мира и труда был подпорчен анархистами из ИРЕАН, небольшая группа которых шла самостоятельной колонной с черным знаменем и со своим лозунгом: "СМЕРТЬ ГОСУДАРСТВУ! СВОБОДА ТРУДУ!" Также анархисты через мегафон вели агитацию за создание свободных синдикатов, самоорганизацию народа и против желтых профсоюзов. Начальникам демонстрации это не понравилось и они попробовали вытолкнуть анархистов из своих стройных рядов. Однако, профорги, как известно, все пузатые и с одышкой, а анархисты, наоборот, оказались молодые и увертливые, так что пришлось начальникам обращаться к милиции, которая проявила с ними солидарность и свинтила двух анархических девушек, которых тут же пришлось отпустить так как на скандал сбежались репортеры зарубежных изданий. В итоге милиция рассортировала плевелы, задержав анархическую колонну до тех пор пока госпрофсоюзы не прошли на Манежную, где у них начался митинг с обычными речами и ораторами. Анархисты пришли и сюда и с краю организовали свой митинг, на котором опять агитировали за свободные синдикаты и самоорганизацию. Вокруг них собралось человек 500. Из этой толпы, периодически обращались к госпрофсоюзной трибуне с выкриками типа: "ПОЗОР ЖЕЛТЫМ ПРОФСОЮЗАМ!", "ИСАЕВ - ЖИРНАЯ СВИНЬЯ!", "ШУБИН - КОМСОМОЛЬСКИЙ УБЛЮДОК!" (Шубин и Исаев, бывшие комсомольские функционеры, некоторое время выдававшие себя за анархистов, находились среди начальников демонстрации и ее ораторов).

иформационный бюллетень СМОТ N 105 май 1993 г.

СКРОМНО НО СО ВКУСОМ

МОСКВА (Кирил Букетов) 1 мая в 9-0С началась манифестация, организованная Московской Федерацией профсоюзов и проходившая под лозунгами "Единство. Солидарность. Права Человека Труда". Колонны профсоюзных активистов прошли по Тверской улице и остановились на Манежной площади, где состоялся митинг.

Во время шествия кучка маргинальных анархистов попыталась сорвать демонстрацию, истерически выкрикивая через мегафон разные глупости. Поначалу профсоюзники стойко сносили выходки вождя группы Димы Костенко, но когда он обвинил рабочих ЗиЛа в "номенклатурности", терпение трудящихся лопнуло. От мускулистой руки рабочего класса Д. Костенко спасло только вмешательство милиции, которое впечатлительный юноша воспринял как нападение на свою неприкосновенную персону, в связи с чем еще в течение длительного промежутка времени сотрясал воздух визгливыми выкриками.

На митинге профсоюзов выступил представитель Профсоюза работников милиции, который заявил, что именно теперь впервые за всю историю страны милиция оказалась по-настоящему с народом. Эти его слова всего лишь через час были подтверждены событиями на Ленинском проспекте.

КАС-КОР N 19(155) 7 мая 1993г

26 мая в Хабаровске комитет "Приватизация - сегодня" провел на деньги совместной российско-американской фирмы праздник - "День приватизации". В этот день все желающие могли в здании местного университета посслушать лекции "Как стать коммерсантом" и "Как организовать акционерное общество", а вечером выступили выписанные специально из Москвы рок-группы "Снова воскресенье" и "Группа Виктора Зинчука", а также местная команда "Город Х". Концерт назывался ни больше ни меньше: "Рок за приватизацию". Хабаровские анархисты просто не могли упустить такой шанс для вылазки. В акции приняло участие [illegible] человек. Перед концертом почти всем зрителям и музыкантам были розданы листовки. Анархи, честно говоря, не ждали теплого приема, но листовки прошли на ура их просто хватали из рук, читали тут же и всячески одоб

ряли. Наверное публика собралась не совсем та, что была на лекциях, но это были не только рок-фаны, но и нормальные молодые люди. И даже музыканты, которым так досталось в листовке довольно доброжелательно к ней отнеслись. А солист "Город Х" перед своим выступлением сказал: "Ну что? За приватизацию, за колонизацию, за канализацию". За что получил нарекание от организаторов фестиваля. А мы ему вручили в конце концерта один из наших плакатов "FUCK PRIVATIZATION!" (Е...ть приватизацию).

В. Блажевич

Листовка анархистов Хабаровска

FUCK PRIVATIZATION

"Рок за генеральную линию партии" до такого не додумывались даже при коммунистах, а сейчас выходит рокеры готовы лизать жопу любым начальникам и буржуям. К стати у западных рокеров всегда находилась "пара ласковых" для знаменитых приватизаторов: Тетчер, Рейгана и Буша. Даже солидный Пол Маккартни не так давно организовал демонстрацию против приватизации убыточной больницы.

Пол Маккартни понимает, что всеобщая приватизация ведет к ликвидации доступных для всех здравоохранения, образования, транспорта и т. д. Ориентация только на частный интерес небольшой кучки жлобов вызвала в нашей стране кроме всего прочего сокращение производства и рабочих мест, ведь выгоднее разворовывать природные ресурсы и менять их на заграничный ширпотребный хлам.

Нам вручили эти бумажки - ваучеры и пытаются убедить в том, что мы тоже приобщены к дележу. Но не надо быть экономистом, чтобы понять, что если ваучер на рынке стоит 3-4 тысч., то и те акции, которые можно будет на него обменять, стоят не больше. Можно написать на бумажке кучу нулей, от этого она не станет дороже ни на копейку и не позволит распоряжаться собственностью. Контрольный пакет в любом случае будет у мафии и бюрократов, да по сути он уже давно у них в руках.

Вот уж спасибо Ельцину за 4 бутылки водки из закромов Родины в частную собственность.

Анархисты Хабаровска

АНЕКДОТ

Приходит женщина к гинекологу, садится в кресло. Врач одевает перчатки и спрашивает:

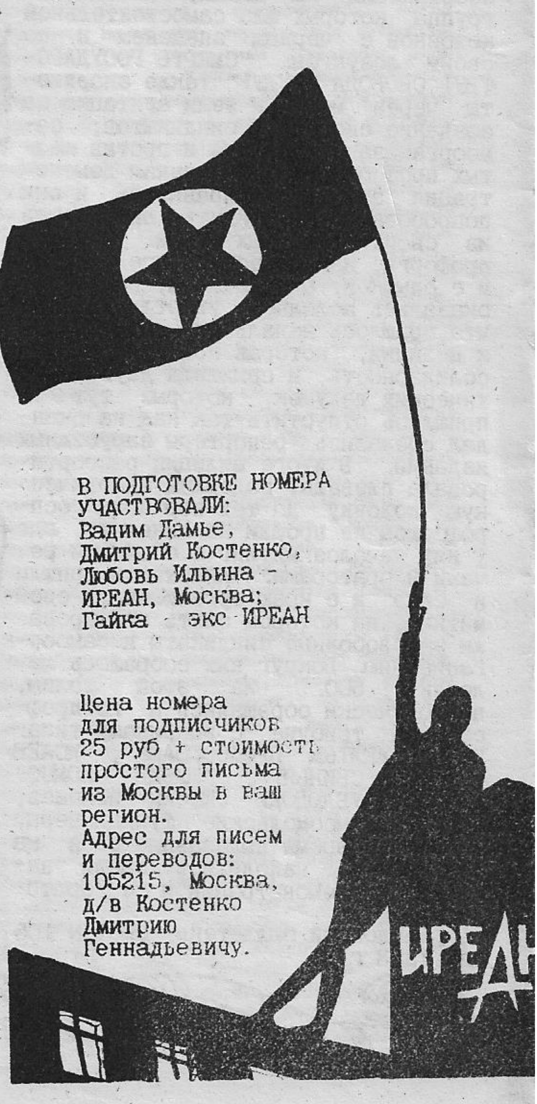
- На что жалуетесь?

- Доктор, миленький, посмотрите правильно ли я вложила ваучер?

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

1. "Государство - единственный террорист, которого мы знаем" - Трудовые будни анархистов Греции.

2. А. Щербаков расскажет, за что он любит Москву и любя обольет грязью своих товарищей.

В ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА УЧАСТВОВАЛИ:
Вадим Дамье,
Дмитрий Костенко,
Любовь Ильина - ИРЕАН, Москва;
Гайка экс ИРЕАН

Цена номера для подписчиков 25 руб + стоимость простого письма из Москвы в ваш регион.
Адрес для писем и переводов:
105215, Москва,
д/в Костенко Дмитрию Геннадьевичу.